



«Три клетки крыты лубем...»

Из истории бытовой лексики в рязанских говорах

© *Е.П. ОСИПОВА,*
кандидат филологических наук

На примере рязанских говоров в статье рассматриваются изменения, которые происходят в диалектной лексике, связанной с материальной культурой.

Ключевые слова: русская диалектология, рязанские говоры, лексема, памятники письменности, семантика.

Диалектные слова стали своего рода знаком времени и пространства, поскольку человек – носитель диалекта – является активным субъектом познания, обладающим собственным представлением об окружающем мире. Не случайно одним из достоинств словаря В.И. Даля Я.К. Грот считал присутствие слов, «которые относятся к быту, нравам, обычаям, поверьям русского народа» [1. С. 40].

Жизненный уклад сельского человека за последние годы претерпел значительные перемены. В Рязанской области рядом с сохраняющимися еще избами появляются современные строения, к которым трудно применить слово *изба*. Претерпевает изменения и диалектная лексическая система: архаизация традиционного состава говоров, появление новых реалий и слов. Вместе с тем говоры демонстрируют устойчивость мно-

гих звеньев лексической системы. Проследим это на наименованиях бытовых реалий.

В рязанских памятниках XVII века наряду с уменьшительными образованиями *клетка* и *клетца* как обозначение помещения для хранения имущества и различных припасов встречается и слово *клеть*: «три клетки крыты лубем ... в клетке платя»; «две клетки водной клетке овсяса четь-веричка с три в кадьки» [2. С. 88]. В «Материалах» И.И. Срезневского у слова отмечены разные значения: «комната, дом, клеть» со ссылкой на Остромирово евангелие, «кладовая, амбар, клеть» (ссылка на Ипатьевскую летопись), «казна, имущество» (из Уставной грамоты князя Святослава) [3. I. С. 1227–1228]. По мнению И. Забелина, клеть является первообразом древнейшего русского жилища. Клетки были зимние, отапливаемые печью, и летние, холодные. Клеть (постройка и слово) была повсеместно распространена на Руси и была коренной формой русского жилища как в крестьянском быту, так и в княжеском, а потом, до конца XVII века, и в царском [4. С. 21–22].

В XIX веке М.Н. Макаров для Рязанской губернии и других губерний отмечал у слова *клеть* несколько значений: самого дома, комнаты, покая [5. С. 117]. В середине XIX века слово *клеть* часто упоминается в этнографических описаниях рязанских сел и деревень. В «Географических, статистических и этнографических сведениях о Рязанском уезде» Петра Крылова, в «Этнографическом описании села Рыковой Слободы» Николая Ловцева оно упоминается как составная часть крестьянского дома [6. С. 1175, 1180]. Священник Гавриил Кротков в селе Кидусове Спасского уезда описывает «среди двора бабьи клетки в 4–5 аршин, без печей: здесь молодые должны спать, несмотря на морозы, до тех пор, пока у них народится дитя» [6. С. 1176].

В «Словаре русских народных говоров» (далее – СРНГ) помету «рязанское» слово *клеть* имеет в разных значениях: «задняя летняя изба, пристроенная к зимней, с общими сенями и двором»; «летнее (холодное) помещение в доме, летняя холодная изба»; «сруб; комната в доме»; «горница»; «летняя спальня (в кладовой, чулане, амбаре, сарае или на сеновале, в холодной летней комнате)»; «кладовая (при избе или в отдельной пристройке)», «кладовая во дворе для женского имущества»; «сарай для сена, соломы и т.п., пуня»; «постройка для хранения зерна, амбар»; «хлев» («Клетки... Скотину туда загоняли. А сейчас зовут – в хлеву»); «помещение под печью для мелкого скота» [7. Вып. 13. С. 287–289]. В.Г. Руделев, помимо перечисленных, отмечает значения «помещение под печью для мелкого скота» и «сруб»: «Бревна рубили. Клеть их называли, как они есть рубленные. Теперича сруп называют, раньши – клеть» [8. С. 103–104]. Примечательно, что в говоре села Дядьково Рязанского района произошло перенесение названия со специальной постройки для скота на подпечье, что объясняется сход-

ством функции: оно, как и клеть, было помещением для мелкого скота [8. С. 103–104].

В современных рязанских говорах слово продолжает существовать в пассивном слое словарного состава. Картотека Рязанского областного словаря содержит данное слово со значением кладовой и летней спальни (села Новоселки и Пощупово Рыбновского района). *Клеть* здесь – отгороженное от сеней бревенчатой стеной помещение с полом, который располагается выше, чем в сенях, поскольку под клетью находится подклет. Существовали клетки и неподалеку, в селе Константиново, о чем свидетельствуют строки есенинского стихотворения «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе»: «Вьются паутины с золотой повети. / Где-то мышь скребется в затворенной *клетки*...» [9. I. С. 38].

То же самое представляли собой клетки в Рязанской Мещере. По материалам научного архива Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, в Касимовском уезде клетью называли небольшой амбар, который ставили сбоку от ворот и который служил спальней для новобрачных [10. № 1092]. В северной части Рязанской области дома строили обязательно с клетями и подклетами, что объясняет хорошую сохранность данного слова у носителей говоров этой части территории.

На юге Рязанской области клетки отличаются от тех, которые характерны для севера региона: отсутствие подклетов, строятся отдельно от избы. Например, в селе Красное Пронского уезда во дворе ставили отдельно клетки для каждой снохи; рубленых построек почти не было, делали в основном плетневые, обмазанные глиной [10. № 1095]. В селе Бурминке бывшего Ряжского уезда клетью называли горницу [10. № 32]. Клетки и сейчас еще можно встретить в Рязанской области.

В рязанских говорах зафиксированы производные наименования *клетка*, *клеточка* – летняя спальня в помещении, используемом как кладовая; *клетушка* – кладовая во дворе для хранения женского имущества: «У кого три снохи, три клетушки делали»; сарай, пуня: «Мякину сыпали. И звали: клетушка. Клеть»; амбар, амбарчик: «У нас какие там заорма! Амбары или какие-нибудь клетушки. Маленькая амбарушка. Я ее называю клетушкой» [7. Вып. 13. С. 284–287].

В рязанских памятниках XVII века со значением «пол» зафиксировано слово *мост*: «куплено семдесят бревен на сени и в подклет на потолок и на мосты»; «автой своей харчевни... мост намос(ь)тит и ту харчевню всю покрыть»; «и украгъчи тое ветъчину принесли в поваръню и схоранили в чюлане подъмост...». В XVII веке слово *мост* обозначало помост, пристройку перед сенями, подклетами, амбарами и пр., в том числе и пол (4. С. 474, 475, 479, 500, 529, 599). В «Материалах» И.И. Срезневского слово выступает в значении помоста, настила [3. Т. II. С. 177].

Слово охватывает большую часть русских говоров XIX века. У Даля – «избной пол, помост, особенно крыльцо и большие сени» с ареальными пометами: *северное, восточное, орловское, тамбовское, рязанское, смоленское* [11. II. С. 349–350]. В значении пола засвидетельствовано в олонечских говорах [12], в архангельских обозначает пол в сенях крестьянского двора, а также сами сени [13], «сени» и «крыльцо» в ярославских говорах [14]. В значении «сени», «пол в комнате» лексема *мост* отмечена в «Опыте областного великорусского словаря» [15].

Для рязанских говоров XIX века слово со значением «сени» отмечает И.Ф. Диттель: «Выйди (из избы) на мост; там стоят уши (т.е. ушат), в них и зачерпни себе водицы» [16. С. 217]. В «Этнографическом описании села Рыковой Слободы» Николая Ловцева, датированном 1849–1850 годами, *мост* упоминается также как название сеней [6. С. 1180]. Значение «крыльцо» имеет рязанское *мост* у Е.Ф. Будде [17. С. 139].

В рязанских говорах второй половины XX века слово употреблялось в разных значениях: «любые сени, в том числе плетневые с земляным полом»: «Мост у нас щас зовут. Мост... Сени мало кто зовут»; «средневеликорусские сени, с высоким полом, соединяющие избу с высокой горницей или клетью»; «узкий коридор между крыльцом и сенями, расположенными позади дома» (при средневеликорусском плане жилища): «Щас мы зовем колидор, а тада звали мост»; «пол в сенях»; «часть высоких сеней, где начинается крыльцо, выходящее во двор» [8. С. 115–116]. СРНГ зафиксировал для рязанских говоров для слова *мост* следующие значения: «деревянный пол в избе», «помост в избе для спанья», «сени», «часть сеней, выходящая во двор», «крыльцо»: «Бабы вон соберутся, полон мост» [7. Вып. 18. С. 287–288].

В современных рязанских говорах сохраняется в основном как обозначение сеней (с. Боровое Шиловского района, д. Новики Пронского района, с.с. Васино, Витуша Сараевского района, с.с. Иванково, Городковичи Спасского района, с.с. Аграфенина Пустынь, Дубровичи Рязанского района), коридора (д. Тамышево, с. Дунино Клепиковского района, д. Щербатовка, с. Шилино Касимовского района, с.с. Кирицы, Панино Спасского района, с.с. Березово, Тырново, Сасыкино Шиловского района и др.), крыльца (Ермишинский район) или пола (д. Задне-Пилево Клепиковского района).

Рязанские памятники письменности XVII века как наименование круглого ящика с крышкой для хранения посуды используют слово *судница*: «судница деревянная с покрышкой круглая а в ней два блюда десять ложек братина кошик стакан деревянное два горьшка два молотвишка порозьжие». По данным картотеки древнерусского словаря и другим словарям древнерусского языка, слово *судница* в данном значении не отмечено. Только в рязанских памятниках лексема фигурирует как предмет, составляющий обстановку жилища [2. С. 153].

Слово *судница* отмечено печатными источниками XIX века. В словаре В.И. Даля оно обозначает небольшой ларь, прилавок в сених, где держат молоко и съестные припасы, и имеет только одну ареальную помету – «моленское» [11. IV]. «Опыт областного великорусского словаря» отмечает наименование для вятских, тверских, владимирских, московских говоров в значениях «залавок, небольшой шкаф около печи вдоль по стене для посуды»; «лавка близ печной стены в избе, под которой делается род ящика, закрытая подвижной доской» [15]. В «Сборнике рязанских областных слов» И.Ф. Диттеля это лавка в заднем углу, устроенная в виде ларя, в котором прячут посуду [16. С. 223]. Книга В.В. Селиванова «Год русского земледельца» (1856–1857) представляет собой подробное описание рязанской дореформенной деревни. Рассказывая о свадебном обряде, автор отмечает: «По совершении этого обряда (благословение молодых. – *Е.О.*) жених, предшествуемый дружками, ведет невесту к телеге, чтобы ехать к венцу. Невеста садится посередине, а сваха и плакса, имея в руках образа ...салятся с боков. В ту же телегу к ногам ставят *судницу*, то есть круглый короб со створчатой крышкой, в который кладут пирог, говядину, вино. ...По совершении таинства (венчания. – *Е.О.*) дружки тут же в церкви угощают священника и причт привезенным в *суднице* запасом» [18. С. 81]. Примечательно, что наряду с существительным женского рода в рязанских говорах бытовало и наименование мужского рода *судник*. В рязанской деревне конца XIX – начала XX века оно служило обозначением лавки: «Лавка, находящаяся у стены, противоположной той, к которой прислонен конник, называется *судником*. ... На печке обычно спят старики или маленькие дети. Остальные члены семьи размещаются на ночь на полатах, заднике, коннике и *суднике*» [19. С. 79–80]. *Судник* – «лавка у печи в избе» встречается и в материалах Е.Ф. Будде [17. С. 145].

В СРНГ в качестве рязанских представлены лексемы *судник*, *судница*, *судня*, *судная* (*судняя*) *лавка*. Слово *судник* имеет несколько значений: «ящик, где хранят посуду»; «широкая лавка возле печки для приготовления пищи» («Судник, ну, это возле печки, такая лавочка»); «небольшое отгороженное место у устья русской печи, кухонный угол». В первом значении широко бытует в русских говорах, второе и третье значение характерны для южнорусских говоров (кроме рязанских, еще в воронежских и тамбовских) [8. С. 171; 7. Вып. 42. С. 167]. Слово *судница*, по данным СРНГ, в рязанских говорах обозначает посудную лавку в одну или две полки во всю стену от устья печи [7. Вып. 42. С. 166]. *Судная* и *судняя* также указывают на рязанскую территорию и служат наименованием лавки около печи для посуды («Судняя лавка, посуду на нее ставили, вот и судняя»), места возле печи, где стряпают; кухни («Кухня, а раньше звали судняя – куда ставят горшки»). Данными словами обусловлено бытование атрибутивных сочетаний *судний угол* – «угол

возле печи, где стоит лавка с кухонной посудой» (псковское, рязанское), *судное (суднее) окно* – «волоковое окошко подле печи, над судной лавкой» (московское, рязанское, воронежское), *судняя полка* – «полка для посуды возле русской печи» (воронежское, рязанское) [7. Вып. 42. С. 170]. На базе наименований *судняя, судная (судная) лавка* возникла лексема *судня* – «широкая лавка возле печи, куда ставится кухонная утварь» (калужское, московское, рязанское) [7. Вып. 42. С. 171].

В современных рязанских говорах *судницей* называется лавка с ящиком под нею для посуды, иногда так называют и сам ящик, встроенный в лавку. Однако лексемы *судница, судник* встречаются реже, чаще используется название *судная (судная) лавка*. Картотека Рязанского областного словаря указывает на сохранение в основном значения современными рязанскими говорами: *судница* – ящик для хранения посуды (с. Данево Касимовского района), *судник* – большая лавка, на которую ставят посуду (с. Высокие Поляны Пителинского района), лавка в чулане для посуды (с. Дегирка Милославского района), *судняя полка* – полка для посуды (с. Вакино Рыбновского района) и др. Сейчас значительно изменилось устройство крестьянского дома, исчезают или исчезли ящики и лавки для посуды, зато сохраняются полки и навесные шкафчики, а поэтому данные названия известны не только представителям старшего поколения.

Встречается в памятниках рязанской письменности XVII века уменьшительное от *хлуд* – *хлудец*, которое означает то же самое, что лексема *хлуд* в «Материалах» И.И. Срезневского, – палку или шест, на котором носят ушат с водою: «и ево де аввакумъкион левкеи небранил и хлудъцом смерътным боем небивал...»; «и он де левкеи от себя ево аввакумъка толькнул хлудъцом потому что де он аввакумъка металъся ево левкеа бить...»; «...и учел меня бранить(ъ) и вынем хлудец иучел меня бить смеръ(ъ)ным боем незнамо зачто». В других памятниках XVII века *хлуд* и *хлудец* не засвидетельствованы [2. С. 246–247].

В.И. Даль приводил слово *хлуд* со значением «жердь, дубина, дрюк, ослоп, стяг» с пометами «тамбовское», «язрославское», «рязанское» и как обозначение рычага, на котором «двое носят ушат на плечах, водонос», а также *хлудец* – «коромысло для носки ведер»; «гибкий шест, к концам которого подвешивается люлька, зыбка», без указания на территорию бытования [11. IV. С. 551]. В «Сборнике рязанских областных слов» *хлуд* зафиксирован как обозначение коромысла, с помощью которого носят ушат с водой; автор указывает на фамилию Хлудов, бытующую в рязанских местах [16. С. 225].

Картотека Рязанского областного словаря указывает на использование слова в значении «коромысло» (с. Шостье Касимовского района, с. Котелино Кадомского района, с. Городецкие Выселки Захаровского района, с. Дядьково Рязанского района, с. Черная речка Сапожковско-

го района, с. Польное-Ялтуново Шацкого района, с. Малый Студенец Сасовского района и др.), в качестве деревянной изогнутой палки для переноса ушата с водой (с. Плахино Захаровского района, с. Березово Шиловского района и др.), деревянной палки для носки белья с реки (д. Каменка Сасовского района, с. Курбатово Кораблинского района, д. Екатериновка Сапожковского и др.). Уменьшительное *хлудец* встретилось только однажды в значении «водило для бредня» в говоре села Старо-Чернеево Шацкого района.

На примере слов *клеть*, *мост*, *судница*, *хлуд*, известных рязанским говорам с XVII века, мы наблюдаем жизнь рязанских слов на протяжении длительного времени. В данных лексических фрагментах отражаются процессы, происходившие в рязанских говорах в наименованиях бытовых реалий. Очевидно, что развитие шло по пути расширения значения: в одних словах – от обозначения конкретного предмета к наименованию целого ряда функционально близких реалий (*судница*, *хлуд*), в других – возникновение на базе исходного нового значения (*клеть*, *мост*). Семантические изменения сопровождались возникновением дериватов: *клеть* – *клетка*, *клеточка*, *клетушка*; *судница* – *судник*, *судня*, *судная лавка*, *судняя лавка*; *хлуд* – *хлудец*. Несмотря на очевидную архаизацию рассмотренных лексем, часть из них (*мост*, *судница*, *судник*) бытует и теперь в рязанских говорах, что объясняется преимущественно перенесением старого значения на реалии, сохраняющие актуальность в современной сельской жизни.

Литература

1. Грот Я.К. Разбор Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля // Труды Я.К. Грота. II. Филологические разыскания. СПб., 1899.
2. Борисова Е.Н. Из истории бытовой лексики рязанских памятников XVI–XVII веков. Дисс. ...канд. филол. наук. Рязань, 1956.
3. Срезневский И.И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3 т. СПб., 1893.
4. Забелин И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1895. Ч. 1.
5. Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846.
6. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.
7. Словарь русских народных говоров. М.-Л.; СПб., 1965–.
8. Руделев В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в южнорусских рязанских говорах // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1995.
9. Есенин С.А. Полн. собр. соч. В 7 т. М., 1997. Т. 1.

10. Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
12. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
13. *Подвысоцкий А.О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
14. *Якушкин Е.И.* Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1896.
15. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской АН. СПб., 1852.
16. *Диттель И.Ф.* Сборник рязанских областных слов // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 2. Отд. 2.
17. *Будде Е.Ф.* К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892.
18. *Селиванов В.В.* Год русского земледельца (Зарайский уезд Рязанской губернии). Репринтное издание. Рязань, 1995.
19. *Семенова-Тян-Шанская О.П.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Репринтное издание. Рязань, 1995.

Рязань